

Г. Ландау

Сумерки Европы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г11

Г11 **Г. Ландау**
Сумерки Европы / Г. Ландау – М.: Книга по Требованию, 2014. – 374 с.

ISBN 978-5-458-78323-1

ISBN 978-5-458-78323-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

часъ на западъ, когда десятокъ верстъ отдѣлялъ отъ Россіи и десятокъ визъ и разрѣшеній отъ Европы, когда одни контрабандисты поддерживали связь съ первой и одни телеграфные провода со второй. Онъ писались и тогда, когда уже, обрѣтя твердую европейскую точку, но будучи лишены рычага для того, чтобы произвести какое либо движеніе, мы влачили грустные дни на чужбинѣ въ печали и тревогахъ, ища въ разрѣженности общихъ созерцаній опоры для зыбкости медлительной дѣйствительности.

Напряженность первыхъ переживаній отъ предвидимаго упадка ново-европейской культуры была въ послѣдствіи заслонена событіями объективно болѣе катастрофическими и субъективно несравненно ближе задѣвающимися — постигшими Россію; при чемъ обѣ линіи упадка не только были смежны въ пространствѣ и во времени, — онѣ еще связаны въ своемъ существѣ и потому одна невытѣсняема другой. Я однако старался выдѣлить и прослѣживать изолированно западно-европейскую нить, чтобы не затерять ея въ клубкѣ непосредственнѣ захватывающихъ и конкретнѣ намъ наглядныхъ русскихъ дѣлъ. Закаленные души, испытавшія русское бѣдство, безпристрастнѣ и, можетъ быть, безпощаднѣ могутъ подойти и къ западно-европейскому упадку. Кто знаетъ, не служить ли вмѣстѣ съ тѣмъ его переживаніе и созерцаніе, все же вѣдь отвлеченное, хотя и эмоціональное, — нѣкоторымъ успокаивающимъ разрядомъ въ пронизывающихъ до послѣднихъ глубинъ потрясеніяхъ русской дѣйствительности.

Во всякомъ случаѣ не только сплетаются судьбы Европы и Россіи, но и общими для нихъ являются иные выводы и уроки. Есть европейскія слабости, нагляднѣ провидимыя на русской дѣйствительности, — ихъ я не затрагивалъ; есть и русскія бѣдствія, ярко освѣтимыя европейскими дѣлами. Къ такому я отношу и разрушительную силу идейнаго максимализма. Это положеніе является однимъ изъ послѣдствій той же исходной интуиціи, которая въ другихъ своихъ предвидѣніяхъ можетъ быть сочтена уже наглядно подтвержденной событіями; думаю, что будетъ признано подтвержденнымъ событіями и это положеніе, хотя еще и неосознанное съ одинаковой ясностью, какъ другія. Если эта книга по-

содѣйствуетъ укрѣпленію этого убѣжденія — она исполнить свое основное практическое назначеніе, ибо тогда оправданность предвидѣній послужитъ и усвоенію урока.

Но, впрочемъ, задача ея не въ поученіи, а въ пониманіи, не въ морали, а въ освѣщеніи. Она многимъ будетъ неприятной и многихъ можетъ задѣть. Охотно я бы этого избѣжалъ, тѣмъ болѣе что задѣвать приходится могучіе коллективы, наслѣдниковъ великаго прошлаго, носителей прекрасной культуры; тѣмъ болѣе, что задѣвать приходится составныя части и факторы той самой европейской культуры, которую любишь и которой дорожишь. Но что же изъ того? Передъ лицомъ несказанныхъ страданій и роковыхъ угрозъ было бы не только малодушно и ничтожно, было бы просто оскверненіемъ величія переживаемаго — дипломатическими уловками — прикрывать свою правду. Въ обвалѣ и смятеніи устойчивость можно найти только созерцая правду неотступнымъ взглядомъ, только непреклонной волею ей служа.

17 іюля 1922.

ВВЕДЕНИЕ

СУМЕРКИ ЕВРОПЫ¹

(1914 г.)

Сумерки сгущаются надъ Западной Европой. Изъ сверканія небывало яркаго дня современной культуры, восторженно возносившейся, казалось, въ безграничные просторы, она безъ переходовъ погрузилась во внезапно разверзшуюся жуть.

Я говорю не о всей Европѣ, — только о Западной Европѣ, только о томъ сравнительно небольшомъ полуостровѣ на тѣлѣ материковъ, на который стеклась, задержанная морями, и напряглась сила, расцвѣло творчество современнаго человѣчества; на которомъ выросла европейская культура, — подобно тому какъ нѣкогда въ меньшихъ масштабахъ тогда еще небольшого міра, на другомъ полуостровѣ, на другомъ географическомъ острii собралась и разрядилась великая культура Эллады.

Различны — и даже противоположны — судьбы государствъ, которыхъ жребій общихъ міровыхъ, и частныхъ для каждаго, движеній связалъ въ одинъ узелъ современной войны; различны горизонты, открывающіеся для каждаго. Но страннымъ, на первый взглядъ, образомъ — болѣе родственнымъ вырисовывается грядущее не тѣхъ участниковъ войны, которыхъ связываютъ союзныя въ ней отношенія; болѣе близкой рисуется мнѣ судьба тѣхъ государствъ, которыхъ связываетъ многовѣковая общность исторіи, хотя бы они и находились во враждебныхъ рядахъ. Такъ, значеніе войны для дальневосточной Японіи рѣзко и въ корнѣ отличается отъ ея значенія для европейскихъ державъ, хотя и союзныхъ ей; такъ, даже и для Россіи, державы европейской, но раскинувшейся и на Азію, перспективы войны иныя, чѣмъ для странъ Западной Европы. Я и буду говорить только объ

---

¹ Напечатано въ «Сѣверныхъ Запискахъ», дек. 1914 г.

этой послѣдней, въ смертельной борьбѣ сохраняющей своеобразное единство, заранѣе подчеркнувъ, что къ Россіи излагаемая соображенія имѣютъ лишь весьма частичное отношеніе.

I

Союзныя, враждующія и пока нейтральныя государства, Францію съ Англіей и Германію, Бельгію, Австрію и Италію, беру я въ однѣ скобки, отдѣляя отъ Россіи и Японіи, союзныхъ однимъ, враждебныхъ другимъ — потому что глубокое коренное единство представляютъ онѣ общностью своего прошлаго и единствомъ созидавшей ими культуры. Менѣе всего стану я отрицать характернѣйшую индивидуальность каждой изъ этихъ странъ, различіе — можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полярность — ихъ народнаго характера, своеобразіе ихъ творческаго вклада; но это — вклады въ единую культуру, но это индивидуальности въ единосвязанномъ коллективѣ народовъ. Исторія долгими столѣтіями общенія, борьбы, взаимныхъ вліяній переплела ихъ въ единство; современность своими фантастически мощными средствами взаимнаго проникновенія спаяла ихъ со всѣми ихъ противоположностями и своеобычностью. Сообща творили они одно дѣло — великой западно-европейской культуры, единой и при всемъ своемъ внутреннемъ разнообразіи, какъ единой была культура Эллады при своеобразіи созидавшихъ ее городовъ. Европейской культурѣ въ современности принадлежитъ непререкаемая гегемонія въ жизни народовъ, хотя громаднѣйшее большинство человѣчества не участвуетъ въ ея созиданіи и не живетъ въ ея рамкахъ. Собственно міромъ и была до недавняго прошлаго Западная Европа; остальная часть земной поверхности была нетронутымъ пустыремъ или колоніей, мѣстомъ приложенія европейскихъ силъ, источникомъ благъ, или внѣисторическимъ пространствомъ, тридевятымъ царствомъ, которое еще только должно было быть найдено, открыто историческимъ человѣчествомъ и приобщено къ исторіи, — т.-е. открыто Европой для Европы. Солнцемъ человѣчества за послѣднія столѣтія было солнце, освѣщавшее Западную Европу, и всѣ милліоны людей и всѣ сокровища тѣхъ тридевятыхъ царствъ, отпрысковъ нѣкогда грандіозныхъ культуръ, были какъ бы сномъ, фантазмой, пока не вступали въ соприкосновеніе съ Западнымъ

полуостровомъ. Ибо здѣсь человѣчество не только жило и творило, не только охраняло прошлое, но претворяло его въ будущее; ибо здѣсь пролегла дорога, которая отъ былыхъ эпохъ протянулась къ эпохамъ грядущаго. Индію и Китай открыла маленькая Европа и вернула человѣчеству; Америку она, такъ сказать, изобрѣла и взрастила. Черезъ Западную Европу пролегаль для всѣхъ народовъ путь къ жизни и къ творчеству; «западничество», т.-е. собственно европеизація, для всѣхъ народовъ было лозунгомъ воскресенія и новой жизни.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что не одна Западная Европа участвовала въ созиданіи западно-европейской культуры. Все значительнѣе становилось участіе и другихъ народовъ, приобщенныхъ ею къ жизни или столкнувшихся съ нею. Россія, и Америка, и Дальній Востокъ увеличивали свой вкладъ въ общечеловѣческой капиталъ. И все же этотъ вкладъ еще и до послѣдняго времени становился общечеловѣческимъ, только поскольку проходилъ сквозь признаніе руководящихъ державъ Запада. И даже и еще тѣснѣе можно сказать: три руководящихъ державы Запада, три руководящихъ культуры, англійская, нѣмецкая, французская, въ ихъ взаимодействіи и создавали русло единой западно-европейской и, — значитъ, для послѣднихъ вѣковъ — общечеловѣческой культуры. Преобладаніе склонялось то на сторону одной, то на сторону другой; въ послѣднее полустолѣтіе снова выбросилась впередъ Германія; но въ общемъ въ этомъ тройномъ взаимодействіи германо-романскаго міра происходилъ основной напоръ міровой культуры послѣднихъ вѣковъ.

И какъ внѣ-европейскія цѣнности только черезъ пріятіе ими получали міровое значеніе, такъ и культуры другихъ европейскихъ же народовъ только въ связи съ ними, вливая въ нихъ свое созиданіе, или отъ нихъ черпая, участвуютъ въ общей работѣ. Далека отъ меня мысль умалить значеніе и другихъ народовъ: Италіи, связующей насъ на зарѣ новыхъ временъ съ далекою древностью, и Нидерландовъ, и другого соединительнаго съ древностью звена — еврейства, этого малочисленнаго восточнаго народа, который связующей силой своего расцѣпянія, непрерывностью своей своеобразной активности, сочетаніемъ неслиянности съ каждой отдѣльной мѣстной традиціей и участія во множествѣ ихъ — сталь едва ли не самымъ европейскимъ народомъ среди европейцевъ. Впрочемъ, и вообще можно отмѣтить, что наиболѣе законченными средне-европейцами, обще-европейцами явля-

ются не столько члены трех великих созидательных сил европеизма, сколько интеллигенція маленьких народов — голландцы, бельгійцы, шведы, швейцарцы; ибо они менѣ другихъ могутъ ограничиться своею собственною мѣстною жизнью и культурою, больше другихъ неизбежно лнуть къ культурамъ чужимъ и притомъ — хотя и неравномѣрно и прерывисто — лнуть ко всѣмъ окружающимъ ихъ великимъ культурамъ Европы.

Но при всѣхъ этихъ оговоркахъ нельзя не признать, что тремя основными силами созидался ново-европейскій міръ, и этими силами были три великія западныя державы. При всемъ ихъ своеобразіи въ общій узоръ сплетаются ихъ индивидуальныя культуры. Сплетаются длинными столѣтіями сосѣдской жизни, совмѣстной или взаимной борьбы скрещивающихся заимствованій. Сплетаются за послѣднія десятилѣтія съ небывалою интенсивностью, продвигая это сплетеніе въ интимнѣйшія глубины народной гущи. Въ университетахъ Берлина и Гейдельберга, Цюриха и Парижа сталкивается молодежь всѣхъ народовъ, какъ и въ художественныхъ мастерскихъ Парижа и Мюнхена, какъ въ лабораторіяхъ Мечникова и Эрлиха. На Байрейтскія музыкальныя празднества, на выставку или ярмарку Лейпцига, на безчисленные конгрессы всякихъ наукъ и всякой техники, религіи и философіи съѣзжаются отовсюду люди для совмѣстныхъ воспріятій, переживанія и мысли. На каждомъ шагу по Европѣ вы встрѣтите итальянскаго каменотеса; въ помѣстьяхъ Германіи — русскаго или польскаго крестьянина; въ далекихъ кварталахъ Парижа и Лондона — еврея, выходца изъ Россіи; въ отеляхъ, ресторанахъ — нѣмецкаго или швейцарскаго кельнера, горничную, управляющаго; всю Европу исколесили жокеи, артисты, шофферы, авіаторы всѣхъ странъ. Промышленность, торговля высылаютъ своихъ представителей вмѣстѣ со своими фабрикатами изъ страны въ страну. Нѣмецкій комми-вожеръ и швейцарскія бонна, французская гувернантка и бельгійскій инженеръ — свои люди даже въ глуши Россіи. Моды перекидываются черезъ границы и проникаютъ, пусть въ окарикатуренномъ видѣ, въ глухіе углы. Пациенты всѣхъ народовъ встрѣчаются въ пріемной берлинскаго врача, у источниковъ безчисленныхъ курортовъ, на высотахъ Энгадина, на итальянскихъ озерахъ, на морскихъ купаньяхъ. Сквозь картинныя галереи Дрездена, Флоренціи протекаютъ непрерывнымъ потокомъ вереницы разноязычныхъ людей, и на развалины форума при-

ходятъ не меньше народовъ, чѣмъ древле подъ сѣнь его торжествующей власти.

Многія сотни тысячъ туристовъ всѣхъ народовъ, всѣхъ классовъ и состояній, безъ перерыва передвигаются по Европѣ, и многія сотни тысячъ рабочихъ людей. Воцаряется новый своеобразный кочевой бытъ, въ которомъ паровозы, автомобили и пароходы замѣняютъ степного коня. Съ кочевыми профессіями связаны миллионы людей, а для другихъ миллионѡвъ — временное кочевье служить ученому, лѣченію или отдыху. Когда-то осѣдлая душа складывалась подъ впечатлѣніемъ опредѣленной природы, одного языка и быта, вращалась среди вещей одного производства. Сколько теперь людей носятъ въ душѣ своей одновременно отраженіе — и торжествующаго разлива красокъ, пылающихъ ярко и все же слитно-гармонично на лѣтнемъ небѣ Норвегіи, гдѣ каждую ночь зажигается и догораетъ пожаръ Валгаллы, — и нѣжно-серебристаго, мягко-затуманеннаго неба Парижа, родившаго французскую живопись, — и уюта крестьянско-сказочныхъ или сказочно-рыцарскихъ лѣсовъ Шварцвальда и Тюрингена, — и сочности южнаго моря съ утомленно пышною береговой растительностью, — и бѣлаго царства Альпійскихъ вершинъ, изъ-за ближнихъ темныхъ грядъ, величаво возносящихся подобно нѣкому воплощенному для профановъ Монъ-Сальвату, — и ясныхъ, отчетливо простыхъ линій на фонѣ благородно-радостныхъ свѣтлоспокойныхъ, чистыхъ красокъ Эллады. Когда-то все, что не звучало на родномъ языкѣ, казалось пустымъ звукоизверженіемъ, духовной нѣмотой; теперь, и не разлышавъ словъ, по одному только звуковому силуэту, по интонаціонной волнѣ рѣчи мы легко узнаемъ и различаемъ чужой — уже не чужой — языкъ. Сквозь различный бытъ проходятъ схожія, иногда почти тождественныя формы; въ государственной жизни — близки и родственны многіе институты и отношенія, и въ творчество каждаго кажется утрамбованнымъ опытъ всѣхъ странъ.

И сидя дома, мы ежедневно, непрерывно кочуемъ духовно, читая газету и книгу, или посѣщая кинематографъ; на разстояніи тысячъ верстъ мы одновременно съ миллионами слѣдимъ за событіями дня, и почти одновременно — иногда въ тотъ же часъ — насъ охватываютъ единыя волны духовныхъ интересовъ или увлеченій: въ тѣ же часы, на противоположныхъ концахъ Европы, да и міра, люди были потрясены приговоромъ по дѣлу Дрейфуса или гибелью Титаника, терзались тѣми же волненіями, ожидая послѣднюю

вѣсть о Львѣ Толстомъ или о Мессинскомъ землетрясеніи. Конечно, и весь міръ находится теперь въ общеніи, но общеніе это — разной степени напряженія, а узлы наиболѣе интенсивной близости, наибольшаго сплетенія и разносторонности вліяній — доселѣ расположены были въ Западной Европѣ.

Намъ, европейцамъ, въ ней и ею живущимъ, хорошо явственны внутреннія различія, явственнѣе, чѣмъ то общее, что привычно, какъ воздухъ и какъ воздухъ незамѣтно. Живя, чувствуя и мысля въ европейскомъ строѣ, мы этого строя не замѣчаемъ, не замѣчаемъ общихъ народамъ ритмовъ, объемлющихъ схемъ жизни и дѣятельности, единообразно пронизывающихъ ихъ стремлений; не обращаемъ вниманія на тождественные или родственные элементы, на аналогично связующіе синтезы жизни и творчества. Мы различаемъ прежде всего ихъ индивидуально-народныя сплетенія. Но если извнѣ охватить весь укладъ европейской культуры, то — на ряду съ другими прошлыми великими культурами человѣчества ясно выдѣлится и ея незыблемо-спаянное единство и ея глубинное своеобразіе.

Замѣчательный типъ человѣчества, замѣчательный, законченный образецъ культуры создала исторія въ новѣйшее время. Во всякую эпоху живетъ человѣкъ въ какой-нибудь культурѣ, но законченныя мощныя образованія, цѣлостныя непреходящія синтезы не часты въ исторіи, и однимъ изъ немногихъ была новая культура Западной Европы — культура самодовлѣющей человѣчности. Нашему поколѣнію выпало высокое счастье пережить въ послѣднія десятилѣтія ея небывало могучій расцвѣтъ, ея высшее напряженіе. И тѣмъ изъ насъ, кому не надо было эпическихъ испытаній громовой войны, чтобы ощущать грандіозное творчество эпохи, великую формовку ею душъ, казалось захватывающимъ и чудеснымъ предвкушеніе того, до какой неизвѣданной еще полноты она развернется. Но вотъ грянула разрушительная война, и сгустились сумерки надъ Европой.

Въ мои намѣренія сейчасъ не входитъ намѣчать содержаніе этой въ своей цѣлостности уже обреченной культуры, защищать ее отъ ходячаго взгляда, который усматривалъ въ ней торжество внѣшняго, матеріальнаго, вещей, техники, не видя того духа, который ихъ создавалъ, ими